

Звездный час Джозефин Барстоу

Английская оперная певица Джозефин Барстоу по своей известности стоит в одном ряду с такими выдающимися артистками, как Мария Каллас, Леонтина Прайс, Биргит Нильсон. Вернувшись недавно в труппу Английской национальной оперы, где когда-то начиналась ее творческая карьера, Джозефин Барстоу показала, что ее искусство достигло новых высот, покоряющих взыскательную аудиторию этого театра.

Хью КАННИНГ

«ГАРДИАН», МАНЧЕСТЕР.

НА ПРОТЯЖЕНИИ двух десятилетий Джозефин Барстоу остается ведущей английской оперной певицей. Ее мастерство неразрывно связано с самыми передовыми достижениями в мировом оперном искусстве, она завоевала прочное международное признание. В конце прошлого сезона певица вернулась в труппу Английской национальной оперы, где когда-то начинала. В этой труппе раскрылся ее талант, здесь она одерживала победы и здесь же порой терпела неудачи.

— В составе этого коллектива на сцене лондонского театра «Колизей» я ис-

полнила многие партии, которые стали важными вехами в моей артистической карьере, — говорит Джозефин Барстоу. — Здесь я пыталась по-разному исполнять одни и те же вещи, могла попробовать сколько угодно. Именно эту труппу я всегда считала своей.

И действительно, там, в театре «Колизей», она впервые спела Саломею из оперы Рихарда Штрауса. Впоследствии эта партия сделала ее знаменитой, с ней певица выступала на сценах разных стран мира. Барстоу сначала отказывалась выступать в партии, которую пели такие выдающиеся оперные звезды, как Биргит Нильсон или Гуинет Джоунз. Это показывает, какой трезвой са-

Джозефин Барстоу в опере Дж. Верди «Макбет».

Фото «Гардиан», Манчестер.

мооценкой она отличается, когда речь идет о выборе репертуара. Критик Ф. Хоуп-Уоллис в помещенной в «Гардиан» рецензии писал тогда, что ее Саломея была самой яркой из всех, каких он слышал, начиная с Любы Велиш, которая пела Саломею в Королевском оперном театре «Ковент-Гарден» в конце сороковых годов (ту легендарную постановку осуществил Питер Брук, а художником был Сальвадор Дали). И все же, согласившись петь Саломею, Джозефин Барстоу не была уверена, что поступает правильно.

— Я всегда исполняла партии в духе «Травиаты»; они как-то не сочетаются с Саломеей, хотя сегодня я пою и ту и другую в одном сезоне. Заранее никогда не знаешь, какая именно роль станет для тебя такой

точной отсчета, какой стала для меня Саломея. И пока не исполнишь, не знаешь даже, справишься ли с ней.

И тем не менее певица по-прежнему отдает себе отчет, что не всякая аудитория благосклонно воспринимает ее сравнительно несильный голос в такой опере.

— У себя в гостиной, слушая пластинку, знаток может сколько угодно увеличивать громкость, и потому, придя в оперу, неизбежно будет разочарован. За свои деньги он ожидает децибелов, поэтому неправильно думать, что сегодняшняя аудитория более утонченная, чем 25 лет назад. Но вот та публика, что приходит в «Колизей», принадлежит, несомненно, к числу наиболее тонких ценителей музыки и театра во всем мире. Я вернулась в Английскую национальную оперу еще и из-за публики.

Искусство Джозефин Барстоу всегда было неоднозначным, вызывая то восторженные похвалы, то резко отрицательное отношение. Только этим, пожалуй, и ограничивается ее сходство с Марией Каллас, с которой ее часто без всяких на то оснований сравнивают. И действительно, трудно найти двух более разных певцов — по окраске, диапазону, гибкости голоса и со столь разным репертуаром. В то время как у Каллас было сильное, ярко окрашенное сопрано, отличавшееся феноменальной подвижностью в пределах боль-

шого диапазона, голос Барстоу исключительно своеобразен — приглушенный, с легкими, едва уловимыми оттенками, не слишком разнообразный по тембру, иногда резковатый, но совершенно особенный. Ни одна из выдающихся певиц как прошлого, так и современности не обладает сколько-нибудь похожим голосом, который, раз услышав, приходится либо полюбить, либо возненавидеть.

По сути своей Джозефин Барстоу — исполнительница динамичная. На сцене она просто излучает энергию, чем неизбежно затмевает партнеров. Певица беспрестанно подчиняется требованиям, которые налагает на нее работа в труппе: долгие часы проводит на репетициях, чтобы добиться слаженности исполнения, даже когда постановка ей совсем не нравится. Она очень разнотанова, что позволяет ей одинаково естественно изображать как истеричную особу, скажем, в опере Пендерецкого «Дьяволы из Лаудина» или в недавно написанной композитором специально для нее небольшой опере «Черная маска», так и уравновешенных героинь Штраусовских опер, например в «Арабелле». В какой-то степени такой разноплановости удавалось добиться Марии Каллас при помощи одних только голосовых средств, хотя, разумеется, она никогда не бралась за партии в операх Рихарда